

A close-up portrait of a woman with long, wavy, light brown hair, looking directly at the camera with a serious expression. She is wearing a dark blue leather motorcycle jacket over a dark top. She is holding a silver pen in her right hand, which is resting on a surface. The background is a blurred library with bookshelves filled with books.

Валерий Лисицкий

СОМОВ

18+

Валерий Лисицкий

Сомов

«Автор»

2026

Лисицкий В.

Сомов / В. Лисицкий — «Автор», 2026

Маша мечтает вести журналистские расследования и писать тру-крайм.
И кажется, что мечта готова исполниться, когда бывший однокурсник
обращается к ней за помощью в расследовании громкого убийства.

© Лисицкий В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
0. ТЫ НИЧЕГО НЕ ТЕРЯЕШЬ	8
1. СОМОВ ОСТРОВ	15
2. ОСТРОВИТЯНИН	22
3. САТАНИСТЫ	27
4. СОБАКА	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерий Лисицкий

Сомов

ПРОЛОГ

Сомов

Полина постояла перед дверью класса, чтобы успокоиться. Этим детей она не любила. По многим причинам. Но теперь, когда последняя запись была сделана и тайное стало явным окончательно, она их не любила особенно. За трусливое молчание, потакание и безволие.

А ещё она их... побаивалась. Боялась. Не всех, но многих. Почти половину класса.

Полина глубоко вдохнула. Медленно выдохнула. Муж говорил, что ей стоит уволиться. Просто уйти и всё. Ученикам и так плевать на литературу, а его зарплаты бы хватило на троих, если ужаться. Её муж был умным и многое понимал. Не мог понять он только, что довести дело до конца для неё очень важно. Это вопрос принципа. Не все дети в этом классе — чудовища, и ради тех, кто ими ещё не был, она обязана была продолжать.

Собравшись, наконец, с духом, Полина толкнула дверь. Класс притих. Пятнадцать пар глаз уставилось на неё. Она бодро поздоровалась:

— Здравствуйте, дети!

И прижала к груди учебники. Спряталась за ними.

— Драсти... — вяло отозвался кто-то.

Больше никакой реакции. Почти все были на месте после звонка — и на том спасибо.

Полина еле сдержала горькую усмешку. А какие были мечты после института!.. Что она придёт, принесёт этим детям что-то хорошее, научит их видеть красоту, ценить прекрасное! А они? Им не нужна была красота. Им, большей части из них, нужно было совершенно другое. То, информацию о чём она собирала последние полгода. Терпеливо, по крупице. Станный разговор там, долетевший шепоток здесь. Случайно упомянутые имена и даты. Истина выкристаллизовывалась из сплетен и слухов. Ужасная правда, на которую предпочитали годами закрывать глаза. Она напала на страшный след, когда на ветвях деревьев едва пробивались почки. Сейчас листья уже облетали с деревьев...

Полина тряхнула головой. Ученики смотрели на неё. Кто вопросительно, кто с насмешкой, кто с беспокойством. Она усилием воли заставила себя не кусать губы. Вот ещё не хватало. Вместо этого мягко улыбнулась и заговорила:

— Итак. Давайте вспомним, о чём мы говорили на прошлом уроке?

Руку никто не поднял. Как всегда.

— На прошлом уроке мы говорили...

Она уже почти поймала нужный настрой. Почти отрешилась от мыслей о том, что в этом классе есть как минимум три человека, которым уже довелось быть соучастниками убийств. И пусть даже речь шла о собаках, не о людях, но долго ли они будут ограничиваться животными?

— Пошла на хер! — раздался с голос с задней парты.

Полина вздрогнула. Говорившего она узнала сразу: Аркадий Викторов. Её головная боль в последние полгода. Головная боль — и ключик к тайне. Жизнь любит странные шутки.

— Аркадий, я бы вас попросила!

Обращаться к детям на «вы» — правило, которого она строго придерживалась и которое директор считала блажью. Детям, по убеждению Марии Ивановны, требовались строгая дисциплина и жестокие наказания, а не уважительное отношение. Иногда Полине казалось, что всегда чрезмерно ярко покрашенная директриса даже мечтает о розгах. Или об изоляторе, как в «Республике «Шкидт». На худой конец, её бы наверняка порадовала даже возможность

лупить учеников линейкой по пальцам... Полина такие взгляды считала дикостью, но Аркаша время от времени напоминал ей, и очень успешно, что вежливость и мягкость легко принимают за слабость.

— Прости. — пожал плечами Аркадий и тут же осклабился: — Прости, соси, потом ещё прости.

Полина поперхнулась на резком вдохе. Была бы у неё в руках розга... Она сжала губы. Напомнила себе, что она — всё ещё главная. Что она учитель. Педагог.

— Аркадий! — голос дрогнул. — Что вы себе...

— Что слышала. Отсоси, потом прости. Слышала про такое правило? Всё лето за мной бегала, как привязанная. Сука. Хочешь, чтобы я тебя трахнул — так и сказала бы.

Полине остро захотелось резко подняться с места. Захотелось хлопнуть дверью класса и направиться в кабинет директора с просьбой... Нет, с требованием! С требованием созвать педсовет, вызвать в школу родителей нахала, поставить его на учёт, принять меры! Но она прекрасно понимала, что ничего этого не случится. Мария Ивановна просто усадит её на стул в углу, как провинившуюся девчонку, и будет говорить. Говорить вещи, жгущие сильнее оплеух. О её полной профнепригодности. О глупости. О неспособности внушить детям страх, а значит, и уважение. Пьющий отец Аркадия просто-напросто повторит фразу своего сынишки, когда она попросит его подойти для разговора. Или выкинет с участка за шкуру, если будет не в духе.

Но и спускать грубость она не собиралась. Резко поднявшись, Полина прошла через класс и остановилась у парты Аркадия. Каблуки звонко щёлкали в тишине. А он поднял на неё глаза и широко улыбнулся. Мерзкий маленький зверёк оскалился.

— Сосать пришла? — поинтересовался Аркадий.

— Ваше поведение недопустимо!

Собственный голос, высокий и резкий, показался Полине жалким и смешным. Краем глаза она заметила, как кто-то из мальчиков достал телефон и направил на неё камеру, но тут же получил мощный подзатыльник от соседа:

— Не снимать, слышь!

Телефон исчез. Ещё несколько рук, потянувшихся к карманам, вернулись на парты. Учителей бы так слушались...

— Аркадий, сейчас мы с вами пройдем к директору!

— Ты сейчас пройдёшь на мой хер своим ртом!

— Аркадий!

Полина хлопнула ладонью по парте. Не сдержалась. Не справилась. Бабушка говорила, что молитва может помочь, когда не хватает сил и нервов, но ошибалась. Хотя Полина и не пробовала толком...

Аркадий вскочил на ноги, словно хлопок по столу был сигналом. Набычился, сгорбил плечи и наклонил голову, как боксёр на ринге.

— Отвали, сука! Последний раз говорю!

— Вы идёте со мной к директору! То, что вы делаете...

Он её ударил. Коротко, без замаха. Просто резко поднял руку и вlepил пощёчину. Звук вышел громкий, сочный. Унизительно звонкий. И Полина ответила. Не ударила в ответ, нет, даже в истерике она не смогла бы поднять руку на ученика. Даже на такого ученика. Она толкнула Аркадия в грудь, слабо и неловко, растопыренными пальцами, причинив себе больше боли, чем ему. Но он вдруг заорал, краснея от натуги:

— Вы не имеете права меня бить! Не имеете права меня бить! Не имеете права!

Он бросился на неё движением, наверняка подсмотренным на трансляциях соревнований по смешанным единоборствам. Они все их смотрели. Даже Полинин муж, замечательный, добрый и чуткий — смотрел.

Плечо Аркадия врезалось Полине в живот, выбивая воздух из лёгких. Диафрагма болезненно сжалась. Его ладони ухватили её под колени. Он приподнял Полину в воздух. Новенькая юбка, тесноватая, но такая нарядная, лопнула прямо на ягодицах, очень неприлично и стыдно. Они вместе рухнули на ближайшую парту, опрокинули её и оказались на полу. Подскочили другие ученики, Полину разом ухватило несколько рук, дети потянули её в разные стороны, и одновременно с этим сжимая с разных сторон горячими и неожиданно твёрдыми телами. В животной части Полининого рассудка мелькнуло нечто, отдалённо похожее на сексуальное возбуждение. Почему они такие... Мысль мелькнула и пропала, не успев даже до конца оформиться. Она забилась на полу, пытаясь выбраться из кучи-малы, но давление со всех сторон только возрастало. Кто-то, пользуясь неразберихой, пошарил рукой по её бёдрам и ягодицам. Или, возможно, просто пытался ухватиться поудобнее.

— Полина Юрьевна, остановитесь! — провизжал кто-то из девочек. — Не надо!

Полина растерялась. Её стискивали со всех сторон так сильно, что темнело в глазах. Что не надо? Она пошевелиться-то толком не могла. Ей показалось очень важным объяснить это крикнувшей девчонке, оправдаться, но изо рта вылетело только надсадное:

— М-м-ма...

А потом всё исчезло. Ученики резко расступились. Она осталась одна. Одна, верхом на лежащем в луже крови Аркадии.

В луже крови?!

Полина в ужасе дёрнулась вверх, уставилась на свои руки, заляпанные кровью. Перевела взгляд на лежащего под ней ученика. Вот уж у кого точно темнело в глазах...

— Полина Юрьевна, зачем вы это сделали?! — взвыла та же девчонка. Полине почему-то почудилась насмешка в её голосе.

Что она сделала?! Она сделала...

Аркадий слабо брыкнул ногами. Приподнял руку и попытался ухватиться за карандаш, торчащий из шеи. Пальцы скользили по крови. Он поглядел на неё. Моляще. Недоумевающе. Обвиняюще.

— Нет, ребята, это... Это...

Она обвела стоящих вокруг детей безумным взглядом. Никто не спешил ей на помощь. Даже наоборот, ученики расступились ещё шире. Оставляя её один на один с тем, что она совершила.

Но она этого не делала!

— Полина Юрьевна, ну зачем же вы...

Она уже не смогла определить, кому принадлежал голос. Казалось, что это сказали все дети разом. Полина поползла назад, ещё сильнее мараясь в крови. Откуда же столько крови? Это так и бывает при убийстве? Или она тоже ранена?!

Вот почему она ударила Аркадия карандашом! Она защищалась! Он первый поранил её!

Полина торопливо ощупала свой живот и ноги. Ничего. Никаких ран. Только расцвели на белоснежной блузке алые отпечатки ладоней.

— Полина Юрьевна, ну не убивать же его было, в самом деле!..

Полине очень захотелось сказать, что она его и не убивала. Это ведь он напал на неё, она-то ничего ему не делала. Вокруг было столько людей, что она даже не видела Аркадия, не понимала, где он находится! Как она могла причинить ему вред?! Как? Как она могла причинить...

Как она могла?..

Полина подняла перемазанные кровью ладони, прижала их к щекам и протяжно завывала.

0. ТЫ НИЧЕГО НЕ ТЕРЯЕШЬ

Маша пришла последней, как и всегда. Шагнула из-под весёлого весеннего дождя, барабнящего по брусчатке Арбата, под навес кафе, тряхнула зонтом над тротуаром и вошла внутрь, не забыв натянуть на лицо медицинскую маску. Протянула руку хостес, следуя правилам хорошего тона нового времени. Термометр мигнул зелёным, и она тут же стянула маску на подбородок. Бывших однокурсников Маша заметила сразу — не так много времени прошло, чтобы люди изменились. Она шагнула к столу и махнула рукой, рассыпая капли с рукава за воротники:

— Привет!

Над столиком повисла тишина.

— Маша? — тихо произнесла Саша Журавлёва, такая же полненькая и подвижная, как три года назад, когда они выпускались. — Машка!

— О-о-о, Чёрненькая! — раздалось со всех сторон. — Мальвина такая! Ты чего волосы в синий выкрасила, кризис среднего возраста?

Ей живо освободили место, и она села, с наслаждением сбросив мокрую куртку на спинку стула. Возник бардак, какой бывает всегда, когда трезвый человек присоединяется к подвыпившей компании: заговорили все и сразу, посыпались вопросы и шутки. Маша лениво отбивалась: всё нормально, работаю, волосы просто так покрасила, да, всё ещё на мотоцикле, нет, сейчас на метро, нет, пить всё равно не буду.

— Машка молодец у нас. — медленно проговорил Лёша Фролов, уже изрядно окосевший, подперев подбородок кулаком. — И училась хорошо, и не пила никогда. Спортом ещё этим занималась, как его... Дзюдо?

— Карате. — поправила Маша.

— А, точно! — Лёша изобразил нечто, напоминающее магические пассы руками: — У! Ха!

Все рассмеялись, и Саша тут же ткнула его локтем в бок:

— А ещё она тебе нравилась, да?

Лёша на провокацию не поддался, ответив ещё громче:

— Да она мне и сейчас нравится! Жилин, ты как, Машку до сих пор ненавидишь, как в институте? Она вечно перед тобой была!

Никто не воспринял его трёп серьёзно, но Маша почувствовала, что заливается краской. К счастью, подоспела официантка с меню и разговор как-то сам собой перешёл на другую тему. Антон Жилин ответить ничего не успел. Может, он и не собирался этого делать. Чёрненькая с облегчением затихла в уголке, налила себе чай и больше слушала, чем говорила.

Обсуждение блюд из меню перескочило на воспоминания о преподавателях, поставленных и не поставленных зачётах, шпаргалках и совместных выездах на природу. Затем, следуя невероятной логике пьяного разговора, свернуло к особенностям разведения пауков в домашних условиях. Когда же и о пауках все выложили всё, что знали, разговор потёк медленнее и коснулся поездок, гор, туризма... И, наконец, работы.

Маша отползла поближе к спинке стула и постаралась стать незаметной. Манёвр не удался, конечно же. И когда бывшие однокурсники обсудили, что Лёша работает почти за спасибо, ухитряясь при этом содержать жену и ребёнка, Ника Исаева зарабатывает тем же способом, каким в своё время получала зачёты, а Антон Жилин таинственно сообщил, что работает «на телевидении», но отказался говорить, в каком именно шоу, очередь дошла до Маши. Журавлёва тщательно облизала вилку и, словно обвиняла её в чём-то, ткнула зубцами в Чёрненькую:

— Так, Маша! У тебя что с работой?

— Ну, так, — Маша неловко поёрзала на стуле. — Так, ничего особенного.

Фролов, уже посчитавший себя главным неудачником компании, заметно оживился:

— Не-не-не, рассказывай! Ты же у нас главный фанат журналистики была! Книгу хотела написать, этот... Тру детектив?

— Это сериал. — поправила Саша. — «Настоящий детектив». А Маша хотела написать тру крайм, верно?

Чёрненькая кивнула, поджав губы. С мечтой о книге она так и не рассталась.

— Ну, скинешь рукопись старым друзьям?

— Да это... Потом, может. Когда она появится. Пока что-то сюжета подходящего не подвёрнется никак.

— Да? — не унималась Саша. — Так, а где ты трудишься-то, раз сюжетов нет? Так хотела в криминал, а сама, небось, журнал «Сад-Огород» пошла?

Кто-то хохотнул: «Сад-Огород» в их компании был шуткой для своих. Скучное место, куда работать пойдёшь разве что от безысходности.

— В «Рыболов-спортсмен»! — попыталась отшутиться Маша, но от Журавлёвой, имевшей хватку питбуля, так просто было не отвертеться.

— Ну так, где, Маш? Тебя нам в пример ставили всё время! Или ты как Антон, стесняешься говорить? Может, вы коллеги с ним?

— Я... В общем, в маркетинге. Тексты пишу.

— Типа... — Фролов поводит рукой в воздухе. — Типа как этот их, в какой-нибудь журнал профессиональный? «Вестник маркетинга»? Ну, если место тёплое, то...

— Типа как копирайтер. Рекламные тексты.

Над столом повисла тягостная пауза. Маша отхлебнула чаю, чувствуя, что снова краснеет.

— Вот докопалась! — Жилин почти выкрикнул фразу, привлекая к себе общее внимание. — Ну-ка, расскажи лучше о себе! Сашка, твоя очередь!

Рассказ Саши Чёрненькая толком не слушала, только перехватила взгляд Антона и благодарно ему улыбнулась. Тот кивнул головой и улыбнулся в ответ. Тема разговора снова сменилась, и никто больше не вспоминал о работе.

Кроме, как оказалось, Антона. Маша первой ушла со встречи, и он догнал её уже у метро.

— Маш, Маш! Разговор есть!

Чёрненькая вопросительно приподняла бровь, спуская под подбородок уже надетую маску. Они с Антоном никогда не общались по-настоящему близко и не имели даже общих интересов, кроме журналистики. И если бы он пил на встрече что-то крепче зелёного чая, она бы не остановилась.

— Что такое?

— Слушай, ты это серьёзно? По поводу книги. Написала бы, если бы был сюжет подходящий?

Маша задумчиво поглядела на вход в метро. Он что, собирается её жалеть? Кинуть подработку, как унизительную подачку? В учёбе она обскакала его, зато он оказался успешнее в карьере. Почему-то захотелось сказать, что просто шутила, делая вид, что подростковая мечта ещё жива. Попрошаться и уехать домой. Попить чаю с мамой и лечь спать. Провести ленивые выходные, не выходя на улицу. И с понедельника продолжить жить, как ни в чём не бывало. С мыслью о том, что не у всех и не всегда сбываются мечты. С ненавистными «продающими» текстами, недовольными заказчиками, вечными правками, горящими дедлайнами...

— А у тебя что, есть история?

Она отвернулась от входа в подземку, встала лицом к Антону. Он был почти на две головы выше, так что Маше приходилось задира́ть голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Возможно. Ты завтра свободна? Давай встретимся, я тебе кое-что покажу.

— Давай часа в три?

— Давай. Тут же?

— Давай тут же.

Антон кивнул и широко улыбнулся, явно обрадованный её согласием. И Маша подумала, что хорошо бы это не был просто предлог, чтобы встретиться с ней ещё раз. Хотя такая хитрость была бы скорее в характере Фролова...

*

Зайдя в кафе на следующий день, Маша испытала облегчение, увидев, что Антон ждёт не с пустыми руками: рядом с чайником чая стоял миниатюрный ноутбук. Машу кольнула зависть: ей такие игрушки были не по карману... Видимо, работать «на телевидении» было стыдно, но прибыльно.

— Привет! — поздоровалась она, усаживаясь за стол.

Антон приветственно приподнял руку и кивнул. Потом, ловко нажав сочетание клавиш, заблокировал компьютер и отодвинул его в сторону.

— Почему-то думал, что ты не придёшь.

— Почему?

— Не знаю, просто так казалось. Подумаешь, что, мол, какая ещё книга, какой сюжет? Зачем мне это всё?

Чёрненькая хмыкнула. Антон угадал. Такие мысли посетили её, и не раз. Ночью она долго не могла заснуть, размышляя, действительно ли хочет ввязываться не пойми во что ради старой мечты. В жизни ведь не так давно всё наладилось, они с мамой зажили спокойно... К часу дня Маша твёрдо решила, что позвонит Антону и отменит встречу. А в два часа быстро оделась и отправилась на встречу.

— Ну, хорошо, что ты приехала. — Антон улыбнулся и начал, чуть понизив голос: — Слушай, а можно вопрос?

— Конечно.

— Если не секрет, зачем ты в копирайтинг влезла?

Маша вздохнула, но врать не стала.

— Деньги нужны, вот зачем. Подвернулся вариант с хорошей оплатой. Поначалу.

— А у тебя же... — осторожно произнёс Антон, явно прикидывая, не слишком ли далеко он лезет в личные дела другого человека. — У тебя же вроде отец чин какой-то в полиции? Я думал, им неплохо платят.

— Он на пенсии уже. И они с мамой развелись. — сухо отозвалась Маша.

— А, вот оно что. Прости, не хотел задеть.

Маша поглядела на Антона. Он правда выглядел виноватым. Но не объяснять же ему, что так вышло даже лучше и для самой Маши, и для мамы? Тяжелее, но лучше. Поэтому она пожала плечами и ответила просто:

— Ничего, забей. Давай лучше к делу.

— Да, конечно! — с готовностью отозвался Жилин. — Короче... Ты слышала про Сомов?

— Сомов?

Маша нахмурилась. Что-то такое в памяти всплывало. Старая новость, прогремевшая повсюду с полгода назад. Она напряглась, припоминая мелькавшие тут и там заголовки.

— Сомов... А, да, учительница литературы убила ученика прямо на уроке. Да, я слышала. Удивилась ещё, что не было сюжета в этом шоу, как его...

— Во-о-от, тоже смотришь? — расплылся в ехидной ухмылке Жилин, и Маша едва не поперхнулась чаем:

— Так это ты там работаешь?!

— Там, там. — он приложил палец к губам и продолжил тише: — Именно там. Сюжет, кстати, должен был быть. У нас выездная группа туда скаталась, снимали, поговорили с местными.

— А почему тогда не было? Ничего интересного не нашли?

— Вот, как раз об этом я и хотел поговорить. На, держи.

Он дал Маше один каплевидный наушник с мягким амбушюром, второй надел сам. Повернул ноутбук, передвинув чайник, и запустил видео.

На экране возникло чьё-то бородатое лицо, мужчина смотрел в камеру серьёзно и сосредоточенно. Судя по шарфу и толстой шапке, снимали зимой. Раздался женский голос:

— Гришаня, покажи фокус!

Не меня выражения лица, Гришаня поднял руки в шерстяных перчатках и изобразил, что отрывает себе большой палец, потом так же серьёзно приладил его обратно.

— Чёрная магия! — воскликнул кто-то за кадром. — Колдун еб...

Раздался едва слышный щелчок.

Картинка резко сменилась. Теперь съёмка явно велась от бедра, видны были только ноги девушки из съёмочной группы и туловище и руки человека, сидящего на грубо сколоченной лавке. В правой руке у него тлела папироса. Обычно так снимают, предварительно уверив собеседника, что камера выключена, если он плохо на неё реагирует. Теперь голос просившей показать фокус звучал иначе, мягко, но настойчиво.

— Полина, учительница. Она убила ученика своего.

— Ась?! — собеседник девушки дёрнулся и тут же откинулся назад, привалившись спиной к бревенчатой стене дома. Стал виден его подбородок, заросший седой щетиной, и без конца шевелящиеся губы. Старик кивнул: — А, енто! Ну, а чаво, слышал, ага. Убила яво прямо, ага. Да, да, слышал. И чаво ж?

— Ну, может, что-то вы расскажете об этом? Может, слухи какие-то были?

— А, чаво?! А! Слухи были, ага, да. Убила она яво, вона как. Учительница-то!

— Да это мы знаем! — девушка повысила голос. — А ещё что-то можете рассказать?

Наверняка же обсуждали между собой!

— Чаво?! А, так енто, ну, обсуждали, ага. А чаво?

— Ну, когда обсуждали, что говорили-то?!

— Так шо убила она яво, учительница-то ента! У-би-ла!

— Ясно...

Щелчок.

Теперь камера снимала лицо девушки, идущей куда-то по деревенской улочке. По выражению её лица было видно, что прогулкой она не наслаждается.

— Что скажешь, Ксюш?

Вопрос, судя по голосу, задал тот самый фокусник.

— Скажу, что жопа.

— А подробнее?

Вместо ответа девушка глянула в камеру так, что стало ясно: добавить она может только пару ругательств покрепче.

Щелчок.

На этот раз на экране появилось какое-то здание с синей табличкой сбоку от двойной двери. Перед дверями стояла женщина в ярко-красном пуховике до пят. Капюшон она натянула по самые брови, и на лице ярко выделялись только маленькие злые глаза и рот, густо подведённый ярко-алой помадой.

— Я отказываюсь! — твёрдо говорила она. — И снимать внутри школы запрещаю!

— Мария Ивановна, у нас редакционное задание. — так же твёрдо отвечала ей Ксюша, правда, шмыгая носом через каждые два слова. — У нас есть разрешение. Почему вы не хотите нас пустить? Мы просто снимем класс, вот и всё.

— А мне-то что до ваших редакционных заданий? Это что, моя проблема? Я вам говорю: не буду я с вами говорить! Снимать внутри школы вы не будете! Всё!

— Послушайте, это же просто съёмка. Мы хотим посмотреть класс, в котором...

Щелчок.

— Сука!

На этот раз картинка чуть запоздала. Камера повернулась, нацеливаясь на лицо Ксюши.

Она поморщилась:

— Да убери камеру, хватит.

— Расскажи, что тут происходит.

Девушка вздохнула, закатывая глаза, но ответила:

— С нами не хотят говорить. Почти вообще никто. А те, кто хотят, несут ахинею. Директор встала в позу, без скандала не разрешит снимать. Жопа, я ж говорю.

— Думаешь, у Славки с Никитой то же самое?

— Надеюсь, нет.

Щелчок.

Ксюшино лицо осталось в кадре, но теперь она улыбалась, озираясь по сторонам и говорила тихим голосом:

— Это гостиница, да? Ага. Сейчас зима. Смотри. Это коридор гостиницы!

Она отвернулась в сторону, вытянула губы, сложенные буквой О, и выдохнула облачко пара.

— Ксюша играет в дракона! — прокомментировал Гриша.

Антон нажал на пробел, останавливая видео.

— Так, ну, тут дальше пока не интересно. Одно и тоже почти.

Маша посмотрела на него, вытащив наушник из уха, пока он закрывал один видеоролик и запускал другой.

— Ну и что? Понятно, что не хотят говорить. Городок маленький, слухи не нужны никому.

— Это верно, верно. Смотри вот что.

Антон вновь запустил видео, и Маша сосредоточилась на экране.

На этот раз перед камерой оказался подросток. Он смотрел на стоящую перед ним девушку, сложив руки на груди, и говорил монотонно:

— Полина Сергевна распахивалась почему-то, бросилась на Аркашку, мы не успели ничего сделать. Помочь не успели, вот. Всё быстро произошло.

Щелчок.

Новый подросток. Очень похожий на первого, такой же тонконосый, с сероватыми, будто выцветшими глазами. Говорящий тем же бесцветным голосом:

— Всё очень быстро случилось. Полина распахивалась, набросилась на Аркашку... На Аркадия. Пырнула его. Мы не успели помочь.

Щелчок.

Новое лицо, новый фон, новый голос, тот же тон:

— Быстро всё было. Полина с Аркадием сцепилась, распахивалась, бросилась на него. Мы помочь и не успели даже.

Щелчок.

— Да распахивалась Полинка на уроке... Ну, училка, Полина Юревна, и на Аркашку набросилась. Быстро очень бросилась. Мы не успели сделать-то ничего, помочь там.

Щелчок.

В кадре для разнообразия появилась девочка, курносая и щекастая, с серьёзным прямым взглядом голубых глаз.

— Ужасно это было. Да, я помню, конечно. Полина Юревна с Аркашей поссорилась сперва. Но они часто ссорились, Аркаша вообще часто учителей задевал. Но в тот раз учи-

тельница распахивалась что-то очень сильно, и на него набросилась. Так всё быстро было, знаете... Мы бы, может, помогли, да не успели...

Щелчок.

На экране — парень, прячущий лицо за шарфом с логотипом рок-группы «Пилот».

— Полька психанула, бросилась на Аркашку. Всё. А, мы не успели помочь, вот... Всё, отстаньте, пожалуйста.

Маша вытащила наушник и произнесла:

— Полина Юрьна распахивалась и бросилась на Аркашу. Всё произошло быстро, помочь не успели.

— Заметила, да?! — в голосе Антона прозвучал азарт.

— Они говорят одно и то же. Их явно научили.

— Точно! А со второй группой, кстати, директриса всё же поговорила! И знаешь, что сказала? Что Аркадий, конечно, был гопником, но неплохим пацаном в целом. А Полина Юрьевна — неуравновешенной и неприспособленной к работе в школе. Ну, и к жизни в целом. У меня нет записи, но я видел, там короткий разговор был.

— Так... — Маша налила чаю в стоявшую перед ней чашку, неторопливо отпила. — А ваши ребята что, не заметили этого?

— Заметили, конечно. — Антон улыбнулся. — Но на них начали писать заявления в полицию. Одно за одним просто. Что к людям пристают, жить мешают, на частную территорию лезут... Ну, ты понимаешь.

Чёрненькая кивнула. Лезли на частную территорию, ишь ты. Журналистов телеканала выжили из городка, не дав никакой информации. Точнее, не дав никакой информации, которая шла бы вразрез с официально озвученной версией. И подростки явно говорили чужими словами.

Она вздохнула.

— С другой стороны, их допрашивала полиция. Они могут просто повторять то, что в итоге попало в протоколы. Те же полицейские их могли и научить.

— Ага. И ни у одного из них не возникло желания сказать что-нибудь эдакое и попасть в телек?

Маша покусала губы, размышляя, после чего ответила:

— И ты думаешь, у меня больше шансов их разговорить? Или что?

— Конечно. Целая группа людей с телевидения — это страшно и непривычно. И привлекает внимание. А вот одна девушка, которая просто хочет поговорить... Тем более, с такой причёской клёвой!

Маша покраснела, но не нашлась, как среагировать на последнюю фразу.

— Это может ничего не дать. — Она покачала головой, вертя в руках чашку. — Может, там и нет ничего.

— Тогда ты просто ничего не потеряешь. Сама ведь помнишь, Сан Саныч так говорил постоянно. — Антон наклонился к ней ближе и понизил голос. — Маш, только ты давай это, никому, хорошо? Мне уже за то, что я тебе это показал, по шапке живо надают. Ну, ты понимаешь.

Маша пристально посмотрела на бывшего однокурсника, когда-то давно вечно наступавшего ей на пятки. Сколько злых взглядов он бросил на неё, выходя с экзаменов? Она хвасталась подругам очередным «отл.» в зачётке, он стыдливо прятал «хор.». А сейчас — смотрит почти что с мольбой. Она вздохнула и отвела взгляд.

Сан Саныча, преподавателя теории социально-массовой коммуникации, худого и с огромной белоснежной бородицей, любившего сыпать присказками и поучать студентов, словно те были его внуками, приехавшими погостить на выходные, Маша помнила хорошо. Как, наверное, каждый, кому доводилось посещать его лекции. И в бытовой мудрости, не име-

ющей отношения к предмету, он был, несомненно, прав. В худшем случае она просто ничего не потеряет. Кроме разве что нескольких дней жизни.

— Так, сейчас конец апреля? — Маша повернулась к Антону. — У меня в начале июня отпуск. Вот как раз и поеду.

Она мысленно добавила к возможным потерям гонорар за тексты, которые могла бы взять в работу на бирже. Но даже так потеря выходила невелика.

1. СОМОВ ОСТРОВ

Часы на руке завибрировали коротко и требовательно, словно вцепились в запястье, да ещё и в самый неподходящий момент. Маше не потребовалось даже смотреть на циферблат, чтобы понять, кто звонит. Отец. Папа. Папаша. Его звонки она научилась чувствовать. Как будто хлестнули мокрой тряпкой. Или остановили на улице резким окриком.

Плавно сбросив скорость, Маша завершила манёвр. Проехала по дороге, огибающей Куликово поле. Помогая себе ногой, подкатила к аппендиксу парковки. Бетонная площадка явно была рассчитана на несколько туристических автобусов, но пустовала, если не считать дальнобойщика, ковыряющегося во внутренностях своего «Рено». Туризм вроде как начинал восстанавливаться, но, видно, всё только начинал и начинал, а до прежних, доковидных уровней подниматься не спешил. Слева возвышался мемориал, царапала небо чёрная стела с золотой маковкой — памятник воинам, погибшим в сражении. Чуть в стороне от него виднелся храм, все купола которого почему-то были разными. А справа — бескрайнее, насколько хватало взгляда, поле. Совершенно пустое и потому давящее на Машу, привыкшую к ограниченному домами пространству улиц. Да и незнакомый мужик в засаленной майке под боком... Откидывая подножку мотоцикла, Чёрненькая шумно выдохнула носом. На самом деле тревогу вызывало не окружение.

Маша стащила с руки одну перчатку и смахнула по экрану часов, принимая вызов.

— Быстрее ответить никак нельзя было? — тут же раздалось в наушниках под шлемом.

— Привет, пап. Я за рулём.

Отец помолчал, сопя в трубку, потом вздохнул, коротко и зло.

— Ясно. Поехала в итоге, да? Я матери звонил. — Новый раздражённый вздох. — Решила поиграться в настоящего журналиста, верно я понимаю?

Маша заставила себя промолчать. Сколько раз ему уже удавались такие провокации — не счесть. Но не в этот раз.

— Опять молчишь? — Отец больше не пытался скрыть раздражение в голосе. — Говорил я твоей матери: аборт делай, дура! Видно было, что от такой идиотки, как она, только другая идиотка родиться может!

Маша стиснула зубы.

— Алло, Маша! — рявкнул отец. — Чего язык в жопу засунула?! Я спрашиваю, решила в крутого детектива поиграть?! Думаешь, с тобой кто-то там разговаривать станет?

— Станет. — тихо ответила Маша.

— Да кому ты нужна там! А вообще — давай. Давай, дочурка. Хочешь папке доказать, что умнее него? Умнее полицейских, которые, как ты считаешь, — Он выделил фразу голосом. — Не смогли разобраться, как там всё было? Ну, вперёд. Флаг в руки и барабан на шею тебе. Только учти, бежать к папке за помощью, когда ты окажешься в полной жопе, не смей, поняла?! Я тебе сразу сказал: ты слишком тупая для такой работы. Потому и говорил, чтоб не смела идти на журфак! Ну, не твоё это, понимаешь? — В его голосе вдруг зазвучало сочувствие. — Я понимаю, хочется что-то доказать самой себе, окружающим, ещё кому, верно? С карьерой-то ты, как я понимаю, обосралась? У тебя же даже не настоящая работа, а так, подработка с этими текстиками... Да, я понимаю всё. Но ты папку послушай, я много всякого видел. Ты просто время тратишь. Мать вон бросила одну...

— Связь плохая, пап! — выкрикнула Маша. — Не слышу, что?!

— Всё ты прекрасно слы...

— Что? — перебила Маша. — Чего ты сказал? Не слышно, пап! Я перезвоню.

Она быстро прикоснулась к сенсору. Наушники замолчали. Маша глубоко вдохнула и судорожно выдохнула. Глаза жгло от слёз. Пальцы дрожали. Она подняла взгляд и увидела,

что дальнбойщик, толстый мужик в застиранной футболке, направляется к ней, что-то крича и размахивая рукой. Маша резко мотнула головой, оттолкнулась ногой от асфальта и выкрутила ручку газа. «Ямаха» с рёвом выскочила на дорогу. Мужик прокричал что-то обиженно и показал ей вслед средний палец.

Сердцебиение успокоилось нескоро. Маша снова прижалась к обочине, слезла с мотоцикла и сняла шлем. Выкрашенные в ярко-синий цвет волосы промокли от пота и липли ко лбу. Кольнуло беспокойство: как бы не появился позади знакомый грузовик. Беспредельность полей вокруг снова стиснула её грудную клетку, сухой воздух, напоенный ароматами трав и цветов, комом встал в гортле. Не докричишься, случись что...

Маша отогнала эту мысль. Появится и появится. Ничего он ей не сделает. Не такая она бесполезная, глупая и беспомощная, как считает отец. Она коснулась кончиками пальцев бугорка на куртке — рукояти травматического пистолета в подмышечной кобуре. Она вообще не бесполезная, не слабая и не беспомощная! И в конце концов, не такую уж большую обиду она этому дальнбойщику нанесла. Наверное...

Она попила воды и нарочно неторопливо перекусила припасённой в кофре шоколадкой, пытаясь вытряхнуть из головы и образ пузатого водителя, и образ отца, такого же округлого, но румяного и лощёного. Оба они остались позади, в прошлом, практически в другой жизни. И ни один из них ей больше не навредит — первый не догонит на своём грузовике, второй не вломиться в квартиру пьяным, чтобы избить мать. Чёрненькая шумно выдохнула и посмотрела на часы. До Сомова оставалось не меньше двух часов пути. Если всё пойдёт хорошо — как раз можно добраться к четырём часам.

Она уселась на мотоцикл и вырулила на дорогу.

*

Сомов открылся перед ней неожиданно — дорога словно нарочно делала долгий плавный крюк, взбираясь на пригорок, чтобы в верхней точке резко изогнуться, являя взору провинциальный городок во всей красе. Поддавшись нехитрой магии момента, Маша затормозила, прижавшись к обочине, и сквозь затемнённое стекло шлема полюбовалась видом.

Дон, особенно широкий в этом месте, поблёскивал на солнце. Дорога плавно скатывалась к мосту, ведущему на Сомов остров, пересекала каплевидный обломок суши в самой широкой части, застроенной советскими пятиэтажками, и выходила на ещё один мост. Слева на острове виднелись неровные прямоугольники частных хозяйств с разноцветными, кажушимися игрушечными, двухэтажными домишками. Поблёскивала золотистой искоркой маковка церкви. Ещё дальше в том же направлении виднелись лес и жёлтое пятно пляжа. Ржаво-коричневый железнодорожный мост, которому не хватало одного пролёта, суставчатым насекомым возвышался над рекой.

Город выглядел умиротворённым и сонным, как на открытке. Пасторальный рай средней полосы. Он плыл в мареве летнего жара, отрешённый от проблем остального мира, навсегда застрявший между статуей Ленина и старенькой церквушкой. Тихонько коптели небо трубы хлебозавода на правой оконечности острова. Покачивали на ветру головами деревья... И даже представить было сложно, что где-то здесь, в одном из посеревших от чернозёмной пыли зданий, на втором этаже небольшой школы, учительница насмерть заколола ученика остро заточенным карандашом.

Маша позволила силе тяжести двинуть мотоцикл вниз по склону и тронула ручку газа только на полпути к мосту. Резвый эндуро набрал ход и радостно громыхнул колёсами по металлической полосе, закрывавшей стык между плитами моста и бетоном дороги. Мужики, рыбачившие на другом берегу, у крутого склона, без особого любопытства повернулись на звук. Сбавив скорость, Маша покатила по улице.

Вблизи город производил то же впечатление, что и издали: сонный и тихий. Место из тех, где никто и никуда не торопится, потому что спешить попросту некуда. Где каждый новый день

походит на предыдущий. Людей на улицах встречалось мало, и редкие прохожие без особого стеснения разглядывали мотоцикл на «зубастой» резине и наездницу в яркой броне. Маша ощутила себя чужой в этом месте, слишком яркой и шумной. В груди зашевелился холодок сомнения. Зря она приехала, очень зря...

Занятая невесёлыми мыслями, она миновала несколько жилых домов, все не выше шести этажей, и облицованное пластиковыми плитами здание администрации города. Его выдавал герб над входом: схематично изображённая рыбина, будто сошедшая со старой гравюры, на сине-зелёном фоне. Ещё несколько жилых построек, не выглядевших обитаемыми — и дорога вывела её на площадь с круговым движением, посреди которой возвышался, без усталости указывая куда-то рукой, памятник Ленину. Небольшую вывеску «Гостиница», простую, без всякой подсветки, она едва не пропустила, проглядев за ветвями деревьев.

Разглядев дорожку, явно ведущую во двор отеля, Маша свернула. Если снаружи здание выглядело просто старым, но хотя бы более или менее ухоженным, то со двора всё смотрелось куда хуже: с трёхэтажной постройки хлопьями слезала краска, по стене змеилась широкая, пальца в три толщиной, трещина. Разместилась гостиница в особняке дореволюционной постройки, красоту которого уже почти не получалось разглядеть из-за небрежного отношения новых хозяев. Впрочем, принадлежала ли гостиница под названием «Гостиница» частной фирме? Вздохнув, Маша слезла с мотоцикла, взяла притороченный к седлу походный рюкзак и отправилась на ресепшен.

Внутри пахло именно так, как Маша и ожидала: старым зданием, пылью, столярным клеем, давно отслужившим свой срок, и скукой. Девушка за стойкой регистрации гоняла жвачку из одного угла рта в другой и, казалось, совсем не обеспокоилась тем, что к ней пожаловала гостя. Чёрненькая натянула маску и поздоровалась первой:

— День добрый!

— Ага. — отозвалась девушка, с ленивым любопытством разглядывая короткие синие волосы Маши. — Вы это? К нам?

Маша улыбнулась:

— Если есть свободные номера.

— Да скотск угодно. Вы с Москвы, да?

Маша удивлённо приподняла бровь:

— Как вы догадались?

— Да легко, — девушка широко улыбнулась. — Кто не с Москвы, маску не носит. Ток москвичи. Вы бы сняли, у нас так не это, не делают.

Чёрненькая пожалала плечами и послушно сунула маску в карман. Сотрудница гостиницы положила руку на стойку и нетерпеливо пошевелила пальцами:

— Паспорт давайте.

— Да-да, минуту.

Маша протянула документ, раскрыв его на странице с фотографией. Она ожидала, что девушка пододвинет к себе клавиатуру, но та извлекла откуда-то из ящика стола толстый гротсбух, который с шумом раскрыла, и принялась переписывать данные от руки, старательно шевеля губами и шепча:

— Чёрненькая... — она бросила на Машу первый по-настоящему заинтересованный взгляд. — Мария Игоревна. Ага... Москва-а-а... Улица Липовая... О, как Липецк! Ну, липы там... Ладно.

Девушка протянула Маше паспорт, но в последний момент сжала пальцы, не позволив его забрать. Чёрненькая вопросительно изогнула бровь.

— А эт настоящая?

— Что, простите? Паспорт?

Девушка хохотнула:

— Да не, фамилия. Ты реально Чёрненькая?

Не сразу найдясь с ответом, Маша вперила в собеседницу долгий тяжёлый взгляд. Та и не подумала смущаться. Как и разжимать пальцы.

— Да. Я реально Чёрненькая.

— Крутяк! — пальцы разжались так резко, что Маша, тянувшая документ на себя, чуть покачнулась. А администратор, ждавшая ответа в полной неподвижности, вдруг вся пришла в движение, засуетилась на своём месте, тараторя без перерыва: — А у меня фамилия, блин... Вот ключ. Третий этаж, вот, в конце прямо справа. Фамилия у меня Иванова, прикинь? Пипец, скучнее не придумать. А у тебя крутая такая, необычная... Идём, провожу до номера!

Она уже решительно направилась к выходу из-за стойки, но Маша резко махнула рукой:

— Не надо! Сама дойду. Где у вас лестница?

— А, так вон она, одна тут, не промахнёшься. Счастливо, это, заселиться.

Кивнув в ответ, Маша направилась в указанном направлении. Уже у самой лестницы её догнал крик девушки с ресепшена:

— Душ на этаже, в конце коридора! Работает, не бойсь, он похрипит сперва, а потом работает! А туалет рабочий только тут, на первом этаже! А, и это, интернета у нас нету, у нас вышки погорели все мобильные, связь никакая!

Чёрненькая мысленно застонала, стараясь подниматься как можно быстрее. К счастью, лестница сохранилась ещё с тех времён, когда больше думали о комфорте, чем об экономии места, поэтому пролёты были пологими, а ступени низкими, и идти было несложно даже с тяжёлым рюкзаком.

*

Администратор Иванова не соврала. Душ, в который Маша направилась сразу же, как бросила вещи в небольшой комнатухе, долго хрипел и мучительно кашлял, прежде чем выплюнуть тонкую струю чуть тёплой водички. Маша дождалась, пока цвет воды не сменится с рыжеватого на более или менее прозрачный, и встала под слабые струи.

Душевая была старая, трубы цвели ржавыми разводами, а шпингалета на двери не было и в помине. Но Маша рассудила, что едва ли в отеле были другие постояльцы: городок мало походил на туристический. И всё равно, мысль о незапертой двери и коридоре, от которого её отделяла занавеска, занозой сидела в голове, заставляя поминутно замирать и прислушиваться к шорохам и скрипам. Маша долго сомневалась, намыливать ли голову, но в итоге брезгливость пересилила тревогу.

Стоило ей взбить пену в ярко-синих прядях, она явственно расслышала скрип двери. Тихо чертыхнувшись, Маша быстро повернулась спиной к занавеске и принялась яростно тереть голову, подставив её под слабую струю воды, но этим сделала только хуже: жидкая пена потекла струйками по лицу, глаза защипало. Шипя от боли, она задрала голову и пальцами попыталась соскрести пену с глаз. Не закончив с этим, Маша развернулась и осторожно выглянула в щёлочку между стеной и занавеской.

Никого.

В душевой оказалось пусто. Её футболка, шорты и бельё так же лежали на краю раковины, полотенце висело на обломанной половинке крючка. Маша выдохнула и вернулась под лейку душа. Вода неторопливо смыла с её волос остатки пены, словно ласково поглаживая по голове и напоминая: тут тебе не Москва, тут по своим правилам живут, привыкай...

— Я тут ненадолго. — ответила Маша воде и, намыливая мочалку, погрузилась в мысли о делах, уже не обращая внимания на фантомные звуки.

В первую очередь — разведка. Нужно походить по острову, познакомиться с местностью, своими глазами увидеть, на что похож остров. Познакомиться с ним, ощутить его. Прикоснуться к его духу и настроению. Нельзя никого понять, не зная, где и как он живёт, хоть в общих чертах. Затем — поговорить с мужем учителя-убийцы. Хоть попытаться. После того,

какую славу его жене создали СМИ, едва ли он бросится говорить с первой же попавшейся журналисткой, да ещё и не работающей ни на одно издание. С другой стороны, всегда оставался шанс намекнуть, что она сомневается в виновности Полины. Дать ему высказать, что накопело на душе.

Потом в Машинном списке следовали сотрудники школы, учителя и директор. Затем — одноклассники Аркадия. Опять же, теперь, уже оказавшись в Сомове, мельком взглянув не городок изнутри, она поняла по-настоящему: вообще нет гарантий, что они согласятся говорить. Маше живо вспомнился голос отца в трубке, и голова пошла кругом от волнения и стыда. Действительно, кем она себя возомнила? С чего бы всем этим людям с ней общаться? Зачем им отвечать на её вопросы? Журналисты с федерального телеканала тут уже побывали. И прокуроры. И следователи. Она что, умнее их всех? Только время потратит. И вернётся побитой собакой в Москву.

Маша покачала головой и тихонько вступила в спор с голосом в голове:

— При чём тут умнее или нет? У меня есть своя точка зрения, которую я хочу попытаться проверить. Если из этого выйдет статья, которую получится продать — отлично, если... — Маша задержала дыхание, запнувшись. — Если удастся написать и продать книгу — великолепно. В конце концов, я училась на журналиста, а не на копирайтера. И хочу заниматься журналистикой, а не тем... Не чем придётся!

Распалённая внутренним спором, Маша выключила воду и резко отдернула занавеску, забыв об осторожности. И замерла, нос к носу столкнувшись с девушкой-администратором. Та совершенно спокойно оглядела гостью, заглянула ей в глаза и произнесла:

— А ты болтушка! — Маша вздрогнула и схватилась за полотенце, не зная, что ответить, но девушка уже сменила тему: — Татушки шикарные! Закачаешься!

Она ткнула пальцем в Машины предплечья. На левом красовался маяк, стоящий посреди штормовых волн, а на правом кружились, словно гоняясь за хвостами друг друга, разноцветные карпы. Маша прижала руки к телу, пряча изображения.

— А мне папка не разрешает набивать татушки. Но я, конечно, не такие хотела. Ну, знаешь, бабочку вот тут... — Она ткнула пальцем куда-то за спину. — А дорого?

— По-разному. — отрезала Маша.

— А, понятно. — Девушка нахмурилась, но тут же снова заулыбалась: — Я чего пришла-то. Сказать забыла, голова дырявая! В общем, у нас завтраков нету в гостинице, но, если что — я могу похавать принести из кафешки, тут недалеко, мне не сложно. Ну, доплатить придётся соточку. И сказать заранее.

Маша уставилась на собеседницу с недоумением, но та ничуть не смутилась.

— Во-о-от... С лёгким паром!

Развернувшись, администратор направилась к выходу. Уже в дверях она обернулась:

— А болтать в душе смешно, конечно. Странная привычка, я б так не стала.

Маша проводила её взглядом и принялась вытираться резкими движениями, докрасна растирая кожу.

*

Переодевшись и освежившись, Маша почувствовала себя немного легче. Тревоги и переживания улеглись, а девушка на ресепшине, мимо которой она постаралась проскочить незамеченной, кажется, вообще утратила к ней интерес. Вот и славно.

На пороге гостиницы Маша огляделась по сторонам. Она с удовольствием вдохнула тёплый воздух, пахнувший травами и пылью. В мышцах ощущалась приятная расслабленность, пришедшая на смену напряжению после долгой дороги. Солнце уже давно миновало зенит, времени как раз оставалось на небольшую разведку.

С площади Ленина Чёрненькая свернула на улицу 8-го марта, ведущую к частному сектору. Всего несколько перекрёстков — и Сомов резко утратил сходство с городом, обернув-

шись настоящей деревней. Разгороженные ветхими заборами из давным-давно прогнивших досок участки формировали неровные улицы, засыпанные больно впивающимся в подошвы щебнем. Вблизи дома уже не казались игрушечными. Некоторые из них покосились, кое-где оконные рамы скалились кривыми клыками битых стёкол. Из-под старой краски выглядывала древесина, почерневшая от времени и влаги. Слышались голоса петухов, хрипло выкрикивающих незамысловатые песни, лениво перебрёхивались собаки. Маша вышагивала по кривым улочкам и узким проулкам, тесно сжимавшим тропинки неровными боками каменных заборов. Она ориентировалась на купол церкви.

Чёрненькая пыталась представить себе, каково жить в таком месте. Не наблюдать его несколько дней, а называть своей комнату в одном из таких вот покосившихся домишек с деревянными рамами и печью. Аркадий ведь жил в частном секторе? Каждый день открывал глаза и видел за окном эту извилистую, засыпанную серым щебнем улицу... Маша пыталась представить себе, что должна была чувствовать убийца в тот день, когда конфликт с учеником вышел из-под контроля. Что ощущал ученик, идя с рюкзаком за спиной в единственную школу Сомова. Она думала об этом, и по спине у неё бежали мурашки. От мыслей о пасторальном рае не осталось и следа. Всё удивительнее казалось, что на этом острове не произошло ничего подобного раньше. А то и чего пострашнее...

Путь к церкви преграждали многочисленные ограды, так что Маше пришлось отыскивать вытопанную в траве тропинку. Она вела между заборов, расположенных так близко, что даже Маша, далеко не богатырша, едва не задевала их плечами. Чёрненькая остановилась у церковной ограды. Между кирпичных столбов были установлены металлические секции, увенчанные шипами. Побелка и краска облупилась, кое-где кладка уже рассыпалась. Уворачиваясь от репейников, Маша прошла вдоль ограды и остановилась перед запертыми воротами. Массивный замок висел на звеньях покрытой пятнами ржавчины цепи. Маша зачем-то подёрнула её рукой — на ладони остались рыжие пятна.

— Запярто, доченька! — скрипнул голос у неё за спиной.

Маша резко обернулась и увидела сгорбленную старушку, укутанную в несколько слоёв тёплой одежды и опирающуюся на узловатую палку. Старуха провела ладонью по губам, причмокнула и продолжила:

— Годков уже пять, лябо шешть как запярто! А ты нешто помолиться шла?

— Да нет, я так, оглядеться.

— А-а-а... А то и гляжу, одёжка-то коротковатая, в церкву в такой не полагается. Не след в таких вота, — Она указала клюкой на короткие машины шорты. — В таких вота в церкву-то не след ходить.

Маша кивнула:

— Понятно, в следующий раз другое надену.

— А то нарядются, как енто самое-то, да в церкву... В церкву-то хто ж так ходить? Не след так, не след... — Она вдруг пристально посмотрела на Машу и спросила: — Ты такая откудаво взялася-то?

— А, я из Москвы.

Старуха улыбнулась, демонстрируя беззубые дёсны, провела ладонью по губам и опять причмокнула.

— Чаво ж тута позабыла-то? У нас тута и глядеть-то...

— Я журналистка. Хочу написать про...

— Про церкву! — бабка медленно огляделась и добавила громче: — Про церкву-то надо, напиши, доченька. А то годков пять закрытая церква-то. Лябо шешть ужо? Пиши, доченька, пиши. Про церкву-то надо, надо...

И, продолжая бормотать себе под нос, бабка пошла дальше по своим делам, переваливаясь с боку на бок. Маша моргнула, прогоняя лёгкое чувство нереальности, почему-то возникшее после разговора.

— Годков, значит, пять. — Она снова задумчиво дёрнула замок. — Или шесть.

Маша снова покосилась на церковь и решила выбираться на 8-го марта, более или менее прямую улицу, чтобы по ней дойти до леска, виденного с пригорка. Она снова прошла по тропинке, пересекла узенький переулок и, выйдя на широкую дорогу, повернулась к лесу. Церковь осталась по правую руку от неё, а по левую раскинулся яблоневый сад. Насколько Маша могла судить — довольно большой и дикий. Ей немедленно захотелось сорвать яблоко с ближайшего дерева, но она не решилась. Окажется ещё, что всё это кому-нибудь принадлежит... Вряд ли, конечно, но всякое бывает.

Она зашагала к лесу, с любопытством вертя головой, хотя смотреть было особенно не на что. После того, как яблоневый сад остался позади, из-под ног исчез и щебень, оставив вместо себя просто две колеи, прокатанные в траве. Шагать стало куда приятнее. Чёрненькая ступила в тень первого ряда деревьев.

Дорога, и прежде не слишком прямая, принялась извиваться между деревьев и, наконец, разбилась на три: колея сворачивала влево, а прямо и направо вели тропинки, явно протоптанные людьми. Вот уж правда, вместо дорог направления... Маша попыталась вспомнить карту Сомова и прикинула, что слева от неё располагался городской пляж. А вот куда вели две тропинки? Должно быть, грибники протоптали?

Пожав плечами, Маша повернула налево.

2. ОСТРОВИТЯНИН

Маша имела представление о том, как выглядит то, что зачастую называют «пляжами». И именно потому недолюбливала пляжный отдых. Мелкий песок перемешан с осколками стекла и окурками, тут и там чернеют кострища, в которых воняют горелым пластиком оплавленные пивные бутылки. Дети в плавках шныряют между пьяных взрослых, обязательно орёт музыка из машины, припаркованной тут же с открытыми нараспашку дверями. В чём удовольствие? Даже возможность поплескаться в не очень чистой воде того не стоила. Поэтому она шла, заранее поджав губы и чуть морща нос, с каждым шагом ожидая услышать тяжёлое буханье басов.

Но Сомов сумел её удивить.

Коля вильнула в очередной раз, огибая густой кустарник, и прямо перед Машей открылся вид на пляж — неожиданно тихий, чистый и уютный. На мелководе плескались дети в ярких кругах и нарукавниках, на берегу чинно восседали взрослые. Ребята постарше плавали и резвились на надувных матрасах дальше от берега, на глубине. Несколько человек читали, растянувшись на полотенцах, а единственная подростковая компания на берегу вела себя вполне по-человечески, сидя кружком у обложенного кирпичами кострища. Маша прошла несколько шагов по скрипящему под подошвами кроссовок песку и присела на бревно, явно принесённое рекой и долго лежавшее на берегу. Подростки притихли, когда она проходила мимо, но вскоре возобновили оживлённый разговор. Боковым зрением Маша так и не смогла различить, чтобы по рукам ходила бутылка. Впрочем, один из них быстро поднялся на ноги и направился к ближайшим кустам.

Контраст чистенького и уютного пляжа с мрачными развалахами домов почти шокировал. Городок, по мере продвижения по острову становившийся лишь хуже, вдруг предстал перед Машей совершенно иным. Она задумалась об этом, остановив взгляд на покрытой сияющими полосками ряби реке. Возможно, всё не так уж безысходно?

— Здрасти!

Вздвогнув, Маша подняла взгляд. Перед ней, улыбаясь, стояла девушка лет двадцати, загорелая и белозубая. Кожа на её плечах шелушилась белыми хлопьями, а тёмные волосы, выгоревшие на солнце, отдавали рыжиной.

— Добрый день! — автоматически поздоровалась Маша, которую тут же кольнула игла беспокойства: села куда-то не туда?

— У меня доча тама, под брёвнышкой, панамку оставила, не дадите?

Маша быстро заглянула под гладко отполированное водой бревно и действительно разглядела под ним розовую детскую панамочку. Достала, протянула её молодой матери:

— Держите!

— Спасибо! — Девушка взяла панаму, но явно не спешила уходить. — Она у меня не стесняется обычно-то, но вас чегой-то забоялась! Тётя, говорит, с картинками! И волосы, как у русалки, представляете?

Маша рассмеялась вслед за девушкой. Та была слишком искренней, чтобы не присоединиться к веселью.

— Вы с Москвы? — неожиданно задала вопрос Машина собеседница, резко прервав смех.

— Да. Сразу заметно?

Девушка кивнула:

— Ага. У нас так не ходят. Не принято. Но вообще, — Она понизила голос, будто сообщала тайну. — Мне нравится. Красиво!

Маша кивнула, и молодая мать, победно встряхивая добытой панамой над головой, направилась в сторону девочки, дожидавшейся её в стороне. Девочки, оказавшейся неожиданно взрослой. Маша закусила губу. Во сколько же лет забеременела улыбчивая незнакомка? Девчонка, её дочь, вполне тянула на первоклашку. То есть, если матери было двадцать...

Чёрненькой стало неуютно. Взгляд сам собой заскользил по пляжу, отмечая девушек, явно пришедших с детьми, и таких же примерно двадцатилетних среди них набиралось многовато. Как и беременных девочек-подростков. Маше пришлось напомнить себе, что она не в Москве. В таких местах, наверное, ранние беременности случаются чаще. Хотя, если уж судить по тому, что она видела — в Сомове они и вовсе стали нормой. Маша непроизвольно погладила себя по животу. Завести ребёнка в пятнадцать-шестнадцать? Безумие. Без образования, без толковой работы.

А отцы кто? Она тайком обернулась на компанию парней, сидящих тесным кружком. Время от времени с их стороны доносились взрывы смеха, они толкали друг друга в плечи и оглядывали пляж. Есть ли среди них отцы кого-то из малышей, возящихся в мокром песке? Маша бы не удивилась, если бы так оно и было. Но менять образ жизни, брать на себя ответственность они явно не собирались. Дети заводят детей.

Быстро, но так, чтобы это не бросилось в глаза и оттого ещё более неестественно, она поднялась с бревна и пошла в обратную сторону по проложенной в лесу колее. Двигаясь в сторону пляжа, она не обратила на это внимания, но теперь отметила, что вдоль дороги практически нет мусора. Ни пустых бутылок, ни окурков, ни чего-то подобного. Но теперь эта чистота почему-то не радовала, как должна была бы, а настораживала.

Маша дошла до развилки и поглядела на часы. До захода солнца оставалось время, и вполне можно было побродить по окрестностям ещё немного. Она поразмышляла, какую тропинку выбрать, и в итоге остановилась на той, что шла в глубину леса, куда-то в сторону заброшенной железной дороги.

И Сомов остров, вслед за которым называли и городок, вновь показал ей новую личину.

Тропинка изогнулась всего раз или два, петляя между деревьев, а Маше уже чудилось, что она забрела в глухую чащу дикого леса. Куцый подлесок и молодые деревья сменились кряжистыми гигантами, развесившими ветви до самой земли. Показались, вспоров мягкий лесной ковёр, узловатые корни. Тропинка взяла влево, затем вправо, словно уворачиваясь от чего-то, затем по широкой дуге обогнула поляну, чистое небо над которой проглянуло между крон, и уткнулась напрямиком в шербагую кирпичную стену одноэтажной постройки.

Маша обогнула старую домушку, отмечая провалившуюся крышу и кладку с осыпавшимся раствором, и вышла на заросшую травой, но всё ещё вполне различимую платформу, подходящую к ржавым железнодорожным путям. Одно из деревьев, клён толщиной в руку, рос прямо между бурых рельс.

— Ого...

Не удержавшись, Маша сделала несколько снимков на мобильный телефон, не понимая толком: для личной коллекции или в качестве иллюстрации для будущего материала.

Перейдя заброшенную железку, Маша прошла всего несколько шагов, прежде чем различила между деревьями потускневший, но всё ещё резавший глаза блеск водной ряби и поняла, что практически дошла до северной оконечности острова — тонкой части «капли», на которую он походил при взгляде сверху. Приближаться к берегу она не стала. Повернувшись, Чёрненькая зашагала обратно, прикидывая, успеет ли пройти по оставшейся неразведанной тропинке. Лень и усталость, правда, говорили, что делать этого не стоит, такую экспедицию вполне можно отложить на завтрашний день. Но Маша отлично понимала: послушает их — и до той части острова уже не дойдёт никогда.

Перешагивая через корни и пригибаясь под ветками, она уже прикидывала, не начать ли ей предполагаемую книгу с описания острова. Не рассказывать о своей прогулке, а сделать это

как бы от лица некоего всеведущего наблюдателя, отстранённо и нейтрально. Должно получиться неплохо, сразу погрузит читателя в атмосферу маленького изолированного городка...

Она не успела решить, не слишком ли этот приём напоминает клише, когда из-за кустов неожиданно шагнул незнакомец.

*

Маша отскочила в сторону, едва не вскрикнув. В голове всплыла услышанная в детстве фраза: «Встретишь такого ханыгу где-нибудь в лесочке — и всё». Душу тронул ледяной страх перед этим неопределённым, но таким всеобъемлющим «всё». Тело среагировало спустя мгновение. Чёрненькая чуть сгорбилась, напряжила ноги, руки сами собой сжались в кулаки и поднялись к голове, локти прикрыли рёбра.

На то, чтобы определить, что на ханыгу встреченный ею человек походил меньше всего, ушла ещё доля секунды. Мужчина тоже отступил, но сделал это неторопливо, с улыбкой и самым миролюбивым жестом в мире: подняв руки раскрытыми ладонями к ней. Маша заставила себя расслабиться и улыбнуться в ответ, опуская руки, хотя сердце продолжало колотиться, едва не ломая рёбра.

— Извините, — произнёс мужчина приятным, мягким, но глубоким голосом. — Не хотел вас пугать.

— Да ничего, я... Вы тоже простите.

— Нет-нет, это моя вина! — Незнакомец покаянно склонил голову. — Слишком тихо хожу. Привык не беспокоить лес. А вы ведь не местная?

Маша быстро взглянула на мужчину. Галантный какой. С одной стороны — приятно слышать грамотную речь. И был шанс что-то у него разузнать. С другой же — до странного противоестественно он смотрелся. Высокий, сухопарый, в начале лета уже загоревший до черноты, одетый в застиранные джинсы и дешёвую рубашку в клетку. Он не выглядел как человек, от которого ждёшь интеллигентных извинений за неожиданное появление. Мозолистые руки с набитыми костяшками пальцев и крупные, грубые черты лица только подчёркивали первое впечатление.

Чёрненькая покачала головой, ещё не решив до конца, стоит ли расслабляться:

— Нет, я из Москвы.

— Так и думал! — незнакомец показался обрадованным. — А я ведь, знаете, тоже не здешний. Вообще-то, я псковитянин.

Маша выгнула бровь, услышав незнакомую конструкцию. Мужчина мягко улыбнулся, заметив её реакцию:

— Был псковитянин, стал островитянин. Мне просто нравится, как звучит. — Он вдруг протянул руку: — Валентин Витальевич.

Чёрненькая помедлила, но протянула руку в ответ:

— Мария. Маша.

Валентин Витальевич пожал Машину ладонь, целиком утонувшую в его, без всякого жеманничанья по поводу её пола, сильно и уверенно, слегка тряхнув. Его пальцы оказались сухими и горячими, чуть шершавыми. Маше показалось, что это странно контрастирует с седыми, будто покрашенными в белый, волосами мужчины.

— Очень рад знакомству! Вы в город направляетесь? Позвольте, провожу вас!

Маша кивнула, улыбнувшись уже почти искренне.

По пути Валентин Витальевич успел рассказать ей, что переехал в Сомов много лет назад. Впервые побывал, приехав на практику от института, где учился на истафке, да так и не смог забыть странный остров, застывший посреди Дона.

— А какая у местных была необычная речь! Сейчас, конечно, и старухи-то не все так разговаривают, как говорили их матери! Столько необычных фраз и выражений, я был просто очарован!

Маша вспомнила свою мимолётную знакомую, сокрушавшуюся по поводу закрытой «церквы», и кивнула. Валентин Витальевич улыбнулся, увидев этот жест, и склонил голову, продолжая:

— А сколько прекрасных историй они рассказывали! Вы уже слышали легенду, почему остров так назвали? Нет? Так я готов поведать! Говорят, что в Дону когда-то давно жил сом. Огромный, старый и мудрый. И затеяли как-то на него охоту местные жители. Вышли с сетями, с баграми... Сом в одну сторону — там сети! Сом в другую — там мужики на лодках! Некуда деваться! И стал тогда сом просить водяного его спасти. Водяной и спас — превратил в этот самый остров. Ну, своеобразно, конечно, но действительно.

Валентин Витальевич рассмеялся и поглядел на Машу не по-стариковски ясными глазами.

— А вы у нас тоже от института? Или к родне приехали?

— Ну... — Маша чуть смутилась. — Институт я давно закончила. А приехала из-за того случая...

— А... — Мужчина посерьёзней, улыбка пропала с лица, глаза потухли. — Из-за Аркадия. Страшная трагедия, конечно.

Маша кивнула:

— Совершенно верно. Понимаете, мне кажется, что эта история...

Валентин Витальевич неожиданно остановился. Маша, чуть отставшая, обходя торчащий из-под земли корень, едва не ткнулась лицом ему между лопаток. Он заговорил, не оборачиваясь, и голос его был печален:

— Маша, послушайте. Очень не хочется плохо о вас думать, но... Поймите, у нас тихий городок, маленький, спокойный. И то, что случилось — это же не просто рядовое происшествие. У вас в Москве, думаю, всё иначе, конечно! Но тут! Тут все друг друга знают. Все знакомы между собой.

Он заложил руки за спину и пристально поглядел в глаза поравнявшейся с ним Маше.

— Местные жители это всё переживают, как личную трагедию. И шрамы только-только зарубцевались. Надо ли их беречь? Вы ведь наверняка захотите пообщаться с людьми, что-то узнать, уточнить... Мой вам совет: не надо этого делать. Просто отдохните здесь. У нас хороший город, древний и красивый. Может, вы его даже полюбите.

Валентин Витальевич улыбнулся, мягко и беззащитно, и Чёрненькая смущённо отвела взгляд.

— Сомов, между прочим, основали больше пяти веков назад, представляете? — как ни в чём не бывало продолжил он. — Конечно, первоначально это был город-крепость! Такое удобное расположение, остров, редкость в этих краях! Грех не возвести на нём твердыню. Потом, со временем, он свою оборонную функцию утратил. Превратился в поселение мелких купцов и мастеровых, тут ярмарки проводились... Вы ведь и сами обратили внимание, что исторических зданий очень мало, верно?

Чёрненькая, слушавшая вполуха, рассеянно кивнула.

— Это потому, что был пожар. Страшный! Весь город выгорел дотла! Мосты в то время были деревянные, и сгорели они быстро... Потому и помощь не смогла добраться. И заново город отстроили уже в советское время. Современные, по тогдашним меркам, дома, хлебозавод, железная дорога. Сомову просто подарили вторую жизнь! Сейчас, к сожалению, всё это пришло в упадок. Завод ещё худо-бедно работает, школа осталась всего одна из трёх, общественного транспорта можно сказать, что и нет. Да и людей стало куда меньше. Многие дома стоят пустыми, вы обратили внимание? Это потому, что не все захотели тут остаться, перебрались в более сытые места. Но всё же есть надежда, что...

Показалась развилка и идущие с пляжа люди. Валентин Витальевич остановился в паре метров от более широкой дороги, кивнул кому-то знакомому, приподняв руку. Маша, слушавшая рассказ об истории города скорее из вежливости, остановилась рядом с ним.

— Вы говорите, что городок совсем маленький и все друг друга знают. Получается, вы тоже были знакомы с Аркадием? И с Полиной Юрьевной?

По лицу Валентина Витальевича пробежала тень. Он разочарованно причмокнул губами.

— Да, был. Я много с кем знаком. И можете мне поверить, в этой истории нет ничего... эдакого. — Он коротко вдохнул и бросил: — До свидания. Рад был познакомиться с вами.

Не дожидаясь ответа, Валентин Витальевич широкими шагами заспешил к выходу из леса, оставив покусывающую щёку Машу наблюдать, как перед ним расступаются редкие прохожие.

3. САТАНИСТЫ

Маша почему-то ждала, что ночью увидит сон. И наутро даже припоминала какие-то отрывки из него, но ничего конкретного в памяти так и не всплыло. Она полежала некоторое время на кровати, разглядывая желтые разводы на сером потолке и пытаясь понять, не совершила ли ошибку. Отец больше не звонил, но и единственного короткого разговора в дороге хватило, чтобы посеять в её душе зёрна сомнений. Зёрна, дающие удивительно живучие и бурные всходы.

Справиться с тревогой немного помог звонок от мамы. Телефон залился трелью, как только Маша вернулась в гостиничный номер. Связь, и правда, оказалась отвратительной, и Чёрненькой удалось различить далеко не все слова, но мама, насколько она смогла понять, желала ей удачи. От этого на душе потеплело, и уснула она легко и быстро.

И вот — новый день. Новые тревоги.

Она торопливо оделась и вышла из номера, даже не взглянув в окно. Умылась в единственном на весь этаж душе и отправилась на поиски завтрака. Но на нижней ступеньке лестницы Маша притормозила, решив, что вполне может отложить еду на потом. На ресепшене сидела та же девушка, что и накануне. Могло даже показаться, что она вовсе не уходила со своего поста, но футболка на ней была другая — значит, нашла время и отдохнуть, и переодеться.

— Доброе утро! — приветливо махнула рукой Маша, приближаясь к стойке.

— Доброе! — девушка расплылась в улыбке, довольная, что гостя заговорила первая. — Как спалось? Клопы в Дон не утащили? Это не в том смысле, что тут клопы, мне бабушка так в детстве говорила! Ты только не подумай чего!

— Да я понимаю. — Маша махнула рукой, наклонилась к стойке и перешла на заговорщицкий шёпот: — Слушай, а мне сказали, что тут в Сомове все друг друга знают, это правда?

— Ну-у-у, так-то правда... — замешкалась девушка и быстро добавила: — Кроме приезжих, конечно. Меня, кстати, Лена зовут, вчера-то не сказала.

— А я Маша, приятно познакомиться.

— Ага, я в курсе, заполняла же бумаги. Маша Чёрненькая.

Маша едва не скривилась от сочетания звуков, преследовавших её всё детство и служивших поводом для неиссякаемого потока шуток и острот. «Помойся, станешь беленькая!» Тьфу ты... Но она всё же сумела удержать на лице доброжелательно-серьёзное выражение, словно предлагала Лене посплетничать.

— Скажи, а ты не в курсе ли, где живёт семья Скобеевой?

— Эт училка-то, что парня пырнула? — Лена подалась вперёд и тоже принялась шептать.

— Да, она! У неё же, говорят, муж и сын остались?

Маша ошутила себя девчонкой, шушукающей во время тихого часа с соседкой по палате.

— У неё да, сын есть. И муж тоже. Олег его зовут. Ну, они тут, в городе остались.

— А где в городе? Мне бы повидаться с ними.

— Так ты и правда приехала в этом деле копать! — ахнула Лена. — Обалде-е-еть... А ты этот, да? Частный детектив?

Маша помедлила секунду. Неподдельный восторг, загоревшийся в глазах новой знакомой, заставил её соврать:

— Вроде того.

— Обалде-е-еть!.. — Лена окинула Машу взглядом, словно видела её впервые. — Вот это жизнь-то у людей! Обалде-е-еть... А я тута просиживаю целыми днями! Так и жизнь-то вся пройдёт, оглянуться не успеешь...

— Лен! — прервала её Маша. — Так где в городе-то?

— Ой, слушай, я ж не интересовалась нарочно-то, — забормотала Лена. — Это ж как оно будет выглядеть, если я за женатым мужиком-то шпионить начала бы, ну? Так, что все знают, то и я...

Она густо покраснела, так что сразу стало понятно: за мужем учительницы Лена следила, и весьма пристально. Главное было только её не спугнуть, показав свою догадливость. Маша покивала с серьёзным видом.

— Да, это точно, я понимаю. А что все-то знают?

— Ну, в общем, из Сомова он не уезжал никуда. Квартиру сменял только, живёт теперь где-то у хлебозавода, тама. — она махнула рукой, указывая, где именно. — Тама дома стоят старые, их как раз для работников... В общем! Где-то тама он живёт. По Тридцать лет октября пойдёшь и как раз окажешься, где надо.

Маша почесала переносицу, огляделась по сторонам, словно желая удостовериться, что никто не подслушивает, и продолжила:

— Ну, возле хлебозавода-то много домов... А точнее мне никто сказать не сможет?

— Точнее тебе... — Лена вздохнула, словно решаясь, и проговорила ещё тише: — Сестра еёшная, Марина, в больнице медсестрой работает. Ну, то есть, Полинкина мужа сестра. Марина Скобеева.

— Так её сестра или мужа?

— Ну мужа, мужа еёного, говорю же.

— Спасибо! — на этот раз Маша улыбнулась искренне. — Ты очень помогла!

— Да лан тебе, чего уж тама, помогла... Так, чутка указала-то...

Щёки Лены снова залило румянцем, на этот раз явно от удовольствия.

Маша вышла на улицу и с наслаждением вдохнула полной грудью. Её распирало от гордости, радости и злорадства. Всё у неё получалось! Не так уж и сложна оказалась эта работа, как, бывало, приняв на грудь, рассказывал отец. С другой стороны, стала бы та же Лена так откровенничать с мужчиной, в кармане которого лежит красная корочка?

Полюбовавшись на Ленина, замершего с поднятой рукой, Маша огляделась по сторонам и полезла в телефон проверять карту Сомова, предусмотрительно скачанную заранее.

Улица Тридцатилетия октября отходила от площади Ленина и шла перпендикулярно главной дороге, пересекавшей Сомов остров поперёк. Другим концом она упиралась в южный, широкий край острова, а недалеко от тупика от неё отделялось ещё две: улица Красного знамени, на которой и находился хлебозавод, и улица Дзержинского, застроенная жилыми домами. Искать там человека вслепую можно было долго, даже при сравнительно небольшом размере городка. Поэтому Маша свернула налево, перешла улицу Восьмого марта и направилась мимо одного из немногих исторических зданий Сомова, напоминавшего одновременно купеческую усадьбу небольшой высотой и петербургский доходный дом дикой архитектурой. Никаких вывесок на постройке не наблюдалось, а окна и двери, перед которыми уже густо разрастался кустарник, оказались заколочены.

Быстро щёлкнув камерой телефона, Маша прошагала мимо вычурной постройки и приблизилась к зданию, казавшемуся уродливым близнецом гостиницы. Три этажа, та же изжелта-зелёная краска, облупившаяся на стенах, потрескавшиеся деревянные рамы и пыльные окна. Только вывеска гласила «Больница», да, в отличие от отеля, её окружал невысокий бетонный забор. Маша решила не торопиться. Она прошлась вдоль забора, разглядывая постройку. Со стороны двора больница выглядела примерно так же плохо, как и с фасада. Тень нескольких огромных клёнов, шатрами раскинувших кроны, усугубляла гнетущее впечатление. Позади здания обнаружилась небольшая деревянная пристройка на этаж ниже. На старых досках висела новенькая табличка с золотистыми буквами на чёрном фоне: «МОРГ». От двери, расположенной на втором этаже, вели вниз широкие деревянные салазки, заканчивающиеся пло-

щадкой примерно в метре над землёй. Маша передёрнула плечами, взглянув на эту причудливую конструкцию. Ох, не для детей это построено...

Решив, что досыта налюбовалась на изнанку провинциальной лечебницы, она развернулась и направилась обратно ко входу. К тому моменту, как Маша вернулась, на тротуаре оказалось трое людей — два врача в белом халате и женщина в медицинском костюме голубого цвета. Все трое курили, оживлённо о чём-то переговариваясь.

Чёрненькая замерла, не решаясь подойти сразу. Пока она медлила, один из врачей, пониже ростом, зато пошире в плечах и талии, чем его коллега, обратил на неё внимание и стал разглядывать исподтишка, как бы невзначай поворачиваясь боком. Вздохнув про себя, Маша натянула на лицо улыбку и подошла к курильщикам.

— Здравствуйте!

— Добрый день. — отозвался поглядывавший на неё доктор. — Захворали?

— Нет. — Маша покачала головой. — Я ищу Марину Скобееву, мне сказали, она тут работает.

— Скобеева? — троица переглянулась и начавший разговор врач протянул, размышляя: — Скобеева, Скобеева...

— Швыдко. — коротко бросила женщина. — Она уволилась и переехала.

— Конечно! — врач хлопнул себя по лбу ладонью. — Она ж замуж вышла в том году, теперь Швыдко. А вы ей кто?

— Да, собственно... — Маша стушевалась и тут же возненавидела себя за это. — Собственно, никто, я по поводу жены её брата, Полины...

— О-о-о... — Женщина махнула рукой и щелчком отправила окурочку мимо урны. — Опять началось, будь вы неладны все, поле-е-езли...

Скривив губы, она развернулась, швырнула окурочку в направлении мусорки и вразвалочку пошла внутрь больницы. Молчаливый врач последовал её примеру, и Маша осталась один на один с низкорослым болтуном.

— Я что-то не то сказала? — поинтересовалась Маша. — Это из-за...

— Да не обращайтесь внимания. У нас тут такая катавасия была после того случая, приезжали москвичи, всем чуть не в трусы залезть норовили с камерами своими. Вот они и не хотят разговаривать. Нервные.

Он помолчал, пожевал губами и вдруг подмигнул:

— Ну, а я вот к залезанию в трусы спокойнее отношусь.

Девушка уставилась на него, не зная, что отвечать, и доктор продолжил, ухмыляясь:

— Так что, может, и помочь друг другу сможем. Если что — зови Кирилла Романовича в регистратуре, это я.

И он, не прощаясь, поднялся по трём истёртым ступеням больницы.

*

Маша вернулась в номер, села на кровать и уставилась за окно. На руках ощущалась невидимая липкая грязь. К залезанию в трусы он спокойно относится... Она передёрнула плечами.

И что теперь делать? Маша опять почувствовала себя бесполезной и жалкой. Полезла, вообразила себя невесть кем! Всё-то ей легко далось! Нет, конечно же, адрес Олега Скобеева можно узнать и другим путём. Наверняка данные есть у него на работе, в полиции... Вот только там-то кто станет с ней разговаривать? Желание покинуть вещи в рюкзак и тут же отправиться обратно овладело ей, она даже поднялась с кровати и взяла в руки кофту. Помяла её, намотала на руку, прижала к животу и села.

Вернуться домой. А потом ей позвонит отец и спросит. Мимоходом, но так, что в голосе явно прозвучит ухмылка, которая стегнёт её бичом. Спросит, как всё прошло. Как там её игрушечное расследование. И что она скажет? Что сбежала, потому что незнакомый мужик на неё посмотрел, как на кусок мяса с дыркой?

В конце-то концов!..

Минуту спустя она вышла из гостиницы, держа в руках шлем. Адрес адресом, а разведку она ещё не закончила. Мотоцикл завёлся легко. Маша вскочила в седло и, наслаждаясь радостным рыком движка, покатила по улицам застывшего в смоле времени городка. Резкий звук словно отражался от старых стен, и она испытывала от этого непривычную злую радость.

Многоэтажная, хотя вернее сказать — не-одноэтажная, часть городка оказалась совсем крохотной, а улицы не изобиловали транспортом. За всё время поездки Маше встретились только двое радостно улюлюкнувших парней на престарелом «Иже» и пара степенных развальных на четырёх колёсах. Вот и весь траффик.

Полюбовавшись забором хлебозавода, Маша развернула мотоцикл и вновь направилась в сторону частного сектора. В конце концов, в лесу оставалась ещё одна тропинка, по которой она до сих пор ещё не прошла.

Но добраться даже до яблоневого сада Чёрненькой оказалось не суждено. Резвая пёстрая курочка выскочила прямо из-под ворот очередного участка и бросилась, вопя и размахивая крыльями, через дорогу. Маша дёрнула руль, пытаясь объехать птицу, но та с потрясающей ловкостью повторила манёвр, снова оказавшись на пути мотоцикла. Уже почти не понимая, что делает, Маша завалила мотоцикл на бок. Щебень шрапнелью вылетел из-под колёс, оставив глубокие отметины на ближайшем заборе.

Маша упала, инстинктивно подставив локоть. Будто сунула руку в кипяток. От боли зазвенело в ушах, рука отнялась, перед глазами поплыли разноцветные круги. Она почти не ощутила, как скатилась с дороги на мягкую траву перед кособоким домом, не услышала, как заглох мотор.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Она полежала, через стекло шлема глядя на облака и пытаясь мысленно оценить ущерб. Переломов, насколько она могла судить, не было. Но левая рука болела адски. Маша медленно перекатилась на правый бок, подтянула ноги и, кряхтя, встала на колени.

— Носюца, тычма головою, на своих напедах, а потом падають!

Голос раздался совсем близко. Маша повернула голову на звук и обнаружила, что из тех же ворот, из-под которых выскочила курица, вышла сгорбленная старушка. Недовольно причмокнув, она провела по губам ладонью и добавила:

— Животину пугають! Тарахтять, как трактор, а толку чуть! Тьфу!

— Извините... — выдавила Маша.

Старухе, впрочем, такой ответ, судя по всему, пришёлся по нраву. Склонив голову, она прищурилась, ещё раз громко чмокнула губами и спросила:

— Это ты штоль давеча церкву-то старую разглядывала, дочка?

— Церкву? А, церковь! Я, я.

Маша поднялась на ноги. Колено слева тоже побаливало, как и бок, но, если не считать порванной штанины, повреждений не было. А вот по руке уже скользили ярко-красные капельки, оставляя на коже полоски. Старушка, оказавшаяся вчерашней знакомой, тоже разглядела кровь и всплеснула руками:

— Ох, лишенько, да что ж это я! Погоди, милая, принесу хоть тряпочку какую...

Причитая и охая, она скрылась за воротами. Маша, морщась, пошевелила рукой, ещё раз убеждаясь, что подвижности она не утратила, и подняла мотоцикл. Старуха принесла ковшик воды, какую-то тряпку и зачем-то старую книгу, которую держала под мышкой.

— Держи, дочка, держи!

Маша с благодарностью приняла ветошь, осторожно смыла прохладной водой кровь с руки и промокнула рану. Выглядело так себе, но не смертельно. Стесала широкую полосу кожи о щебень, да и всё.

— Куды летела-то, дочка? — поинтересовалась старуха, успокоившись и с любопытством разглядывая мотоцикл. — Ой, напет-то у тебя... Страсть! Это на кой же ему колесищи-то такие? Кур давить?

— По бездорожью ездить. — Маша прижала мокрую тряпицу к локтю. — Я же говорила, по делам тут...

— Ой, точно! — произнесла старуха и размашисто перекрестилась. — Я уж думала, не дождуся, когда ж вы ентим-то займётесь...

— Чем займёмся? Церковью?

Чёрненькая посмотрела на бабуку. Та, похоже, очень слабо понимала, с кем и о чём говорит, и не могла похвастаться ясной памятью. И как живёт-то одна в доме? Ещё и плита, наверное, газовая...

— Так известно дело чем! — старушка понизила голос. — Сатанистами, чем ишшо? Как церкву нашу закрыли, так их тута стало-о-о!.. Страсть! Бознашо творят! Бо-зна-шо! Вот, давеча, говорят, опять в лесу собиралися. Шабаша у них тама. Собак режут, кошкам кишки тянуть наживую, ой! Я, дочка, думаю, скоро и до людей доберутся! Да, доберутся, а шо ж им? Нешто их ловит кто?

Маша, слегка ошалевшая от говора и потока изливающейся на неё информации, предположила очевидное:

— Полиция?

— Полиция-то ента... — старушка махнула рукой. — Хужей сатанистов, тьфу! Полиция... Название одно, а не полиция!

Чёрненькая осторожно отняла тряпицу от раны, убедившись, что кровь немного успокоилась, и полезла в кофр за аптечкой.

— И где у вас тут сатанисты эти бесчинствуют? Островок-то небольшой совсем.

— Островок-то небольшой, дочка, а станция брошена имеется! — едва ли не хвастливым тоном отозвалась старуха. — Вот тама и творят незнамо шо. А чаво им? Церкву закрыли, станцию закрыли, сад вон, яблосный — и тот не нужон никому! Никто тута никому не нужон. Вот они и енто, повадилися...

— Ничего себе! — Маша зубами помогла себе затянуть узел и пошевелила рукой, проверяя, не слишком ли тугая вышла повязка. — А если церковь откроют, думаете, прекратят?

— А то как же иначе-то, дочка! — Старуха снова перекрестилась. — Церкву открывать надо, а то нам тута всем конец! Без божьего слова-то куды ж? А никуды! В божьем слове-то, дочка, все ответы есть, да-а-а... Ты-то в церкву ходишь?

Маша поколебалась мгновение, но решила не врать:

— Не хожу, бабуль.

— Вот ентово оно так и выходить! Вот ентово и не нужон ништо никому!

Она проворно сунула Маше в руки старую книжку в картонном переплёте. Чтобы страницы не разлетались, томик охватывала намотанная крестом бечёвка.

— Вот, читай!

— Да спасибо, я...

Маша попыталась вернуть книгу, но старуха перебила, резко махнув рукой:

— Читай, говорят тебе! В божьем слове ответы все есть! С божьим словом, да если церкву откроють, тута и жить-то полегче станить! Так и запиши! Церкву надо нам, церкву! Так и пиши: Клавдия Петровна просить церкву!

— Запишу, бабуль! — старуха удовлетворённо кивнула, и Маша решила попробовать подбраться к интересующей её теме: — А вы Марину Скобееву не знаете? Может, живёт тут где-то?

— Марину Скобееву? Нет, дочка, Марину Скобееву не знаю... — Она вдруг сникла, прижала покрытые старческими пятнами руки к лицу. Когда она снова заговорила, голос её

мелко дрожал: — Скобееву! Ох, лишенько, как же енто вышло с Аркадием-то так... А папка яво? Ох-хо-хо... Он и так выпить-то любил, а теперь-то уж... Ох, лишенько, скока ж жизнью-то поломалось...

Маша наострила уши:

— А вы его знаете? Ну, папу Аркадия.

— Митьку-то? Так вон тама дом ево, во-о-он тама, в конце улицы справа, синенький такой.

— Ага, поняла. Спасибо вам!

— Так а што спасибо-то? Ты уж помоги, доченька! Слово-то божие почитай, да напиши про церкву!

Чёрненькая покосилась на книгу, которую так и держала в руках. На старенькой обложке виднелось почти стёршееся «АКАФИСТ». Она сунула томик в кофр вместе с аптечкой.

— Постараюсь! — Маша кивнула, усаживаясь на мотоцикл и надевая шлем. — Простите, пора! Спасибо!

— Ты уж напиши, напиши, девочка! Так и напиши: Клавдия Петровна говорит, что церква нужна! Церква!

— Обязательно!

Маша завела мотоцикл и осторожно, словно ехала по льду, оттолкнулась ногой. В зеркало она видела, что старуха постояла ещё некоторое время с ковшиком в руках, потом перекрестила её вслед и направилась в дом. И Маше от этого почему-то стало легче.

4. СОБАКА

Последний дом справа, указанный Клавдией Петровной, выделялся даже на фоне всех других, тоже не отличающихся богатством. Маша поколебалась, стоя у калитки, но всё же вошла на участок. Перед домом, судя по остаткам оградок и сухим колючим веткам, торчащим из земли, когда-то был разбит палисад, но за ним явно не следили. Почему? Из-за смерти сына? Маша нахмурилась. Нет, явно не поэтому. Аркадия не стало около года назад, деревянная ограда бы так быстро не сгнила. На обустройство дома махнули рукой ещё раньше.

Инстинктивно стараясь ступать бесшумно, Маша приблизилась к дому и осторожно заглянула в ближайшее окно, но не смогла ничего разглядеть за грязными стёклами. Не увидела она и занавесок, даже самых простеньких. И это уже был тревожный знак. Протянув руку, она осторожно побарабанила кончиками ногтей по стеклу. Ничего не произошло. Маша постучала снова, смелее, но и на этот раз не дождалась реакции.

Можно было бы предположить, что дома никого нет, но интуиция подсказывала, что её игнорируют. Решив попытаться в последний раз, она постучала в дверь. Внутри завозились, кто-то влажно откашлялся, громко шмыгнул носом и сплюнул. Маша отступила на шаг и сжала губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.